

Линь Лан наконец нарушил молчание:

— Сестрица, каково тебе жилось здесь эти три года?

Дайюй, ожидавшая от сурового брата строгой отповеди, облегчённо вздохнула и слабо улыбнулась:

— Конечно же, хорошо. Старая госпожа души во мне не чает, кузены и кузины приветливы, да и слуги не смеют перечить.

Опустив чашку на столик, Линь Лан нахмурился, и в его голосе проскользнули сердитые нотки:

— Неужто и со мной ты станешь отделиваться светской ложью? Кузены и кузины, говоришь? Ты — незамужняя девица благородных кровей, носишь траур по матери. Как же выходит, что мужчины дома Цзя позволяют себе шутить и развлекаться в твоём присутствии?

Услышав это, Дайюй совсем растерялась. Она испуганно уставилась на брата, не зная, что ответить. Видя её замешательство, Линь Лан ощутил укол жалости, но счёл нужным продолжить:

— Знаешь ли ты, какие слухи ходят о Баоюе за пределами этих стен? Хотя я и жил в Гусу, до меня доходили вести. Говорят, этот юноша души не чает в девицах, величает себя чуть ли не «рыцарем нежных бутонов» и проводит дни напролёт на женской половине, беззаботно резвясь с кузинами!

Брат не договаривал, но Дайюй всё прекрасно поняла. Если Баоюй столь бесстыдно нарушает покой женской половины, то каково ей, сироте, живущей с ним буквально через перегородку, в смежных комнатах? От её девичьей чести и доброго имени за пределами поместья давно не осталось и следа!

От этой мысли у Дайюй брызнули слёзы. Если отец и брат узнали обо всём, находясь в далёком Гусу, то что говорить о здешних пересудах? К тому же Баоюй никогда не соблюдал приличий: стоило ей прилечь отдохнуть, как он беспрепятственно входил в её спальню!

Сердце Линь Лана сжалось при виде сестры, которая уткнулась лицом в ладони и горько разрыдалась. Поднявшись, он со вздохом подошёл к ней:

— Ты сейчас ещё дитя, но рубеж семи лет давно пройден. Когда ты только приехала в столицу и твоя кормилица прислала весть, что тебя поселили вместе с Баоюем, отец сразу почуял неладное. Однако зная твою гордость и чистоту, он понимал: ты никогда не согласишься делить мужа с наложницами. А Баоюй, хоть и не годен для государственной службы, наделён живым умом — он мог бы стать тебе достойным собеседником в поэзии и искусствах. Отец надеялся, что под нашей защитой дом Цзя не посмеет обидеть тебя.

Рыдания Дайюй понемногу утихли, сменившись прерывистыми вздохами. Линь Лан бережно приподнял сестру за плечи и отер платком её слёзы.

— Тогда вы были совсем детьми, — продолжил он мягко. — Отец не стал строго судить родню и закрыл глаза на их вольность, надеясь, что совместная жизнь сблизит вас и взрастит искреннее чувство. Но кто же знал, что Баоюй, подававший надежды в детстве, вырастет столь легкомысленным и никчёмным человеком? Ему ни в коем случае нельзя доверить твою судьбу. А то, что семейство Цзя до сих пор держит вас под одной крышей, и вовсе переходит все границы! Теперь отец горько кается в своей уступчивости. Именно поэтому он велел мне немедленно ехать в столицу.

Слёзы, едва просохшие на ресницах Дайюй, хлынули с новой силой.

— Я и сама знала, что это неправильно! — сквозь плач выдавила она. — Но я ведь живу здесь из милости, одинокая сирота... Как бы я посмела перечить воле старших?

Линь Лан молча сопереживал её горю. Он помнил, какой весёлой и беззаботной росла Дайюй в родном доме. А здесь, понаблюдав за ней со стороны всего полдня, он с болью заметил, как она зажата: ступить шагу не смеет без оглядки, взвешивает каждое слово, боясь навлечь на себя косые взгляды.

— Я знаю, сестрица, знаю, как тебе было несладко, — произнёс Линь Лан, сжав её ладони. — Но теперь я здесь. Больше тебе нечего бояться. Отныне за твоей спиной стою я, и все невзгоды я возьму на себя.

Услышав эти слова, Дайюй поняла, что брат не сердится на неё. Его любовь и забота согрели её измученную душу. Обретя долгожданную опору, она успокоилась, и слёзы наконец высохли.

Убедившись, что сестра больше не плачет, Линь Лан спросил:

— Скажи мне, эту девицу, Цзыцзюань, тебе ведь отдала бабушка? Её договор о продаже человека хранится у тебя?

Дайюй взяла у него платок, промокнула влажные веки и тихо ответила:

— Да, Цзыцзюань подарила мне Старая госпожа. Но договор о продаже человека остался в господском доме.

— В таком случае, — распорядился Линь Лан, — выжди немного и под благовидным предлогом отошли её обратно к бабушке.

Дайюй испуганно вскинула глаза:

— Зачем же? Неужто Цзыцзюань в чём-то провинилась передо мной или перед тобой?

Линь Лан вздохнул:

— Я не говорю, что она плоха. Но она — не человек дома Линь, её преданность принадлежит чужому гнезду. Впрочем, если ты так привязалась к ней, пусть остаётся. Я сам переговорю со Старой госпожой и заберу её договор о продаже человека, чтобы девица полностью принадлежала тебе.

— Брат, ты проделал столь долгий путь ради меня, — преданно проговорила Дайюй. — Неужели я стану капризничать? Если ты считаешь, что ей не место подле меня, я отошлю её без сожалений.

По её покорному тону Линь Лан понял: сестра соглашается лишь из послушания, а в душе очень хочет оставить служанку. И это неудивительно — Цзыцзюань преданно ухаживала за ней три года. За всё время пребывания в усадьбе он так и не увидел подле сестры верную Сюэянь — значит, все заботы легли на плечи этой присланной девицы.

Линь Лан не хотел, чтобы чужой человек шпионил за его сестрой, но и сеять обиду в сердце Дайюй ему не хотелось.

— Ладно, не спеши, — мягко проговорил он. — Вернёмся к этому разговору позже.

Дайюй, остававшаяся в душе робким ребёнком, сразу приободрилась, заметив, что брат уступил. Поняв, что её не заставляют сию же секунду расставаться с близкой подругой, она согласно и весело кивнула.

«Всё ещё дитя», — с грустной улыбкой подумал Линь Лан. Излишняя строгость и зловещие интриги чужого дома придавили её живой нрав, заставили согнуться под грузом недетских забот. Потребуется время, чтобы вернуть ей прежнюю безмятежность.

Они проговорили ещё немного, обсуждая домашние дела, пока сумерки окончательно не сгустились за окнами. Настало время прощаться. Перед тем как уйти к себе, Дайюй всё же не удержалась от вопроса:

— Брат, зачем ты приказал запереть ворота усадьбы и никого не впускать?

Линь Лан слегка усмехнулся:

— А я-то думал, ты так и не решишься спросить.

Дайюй залилась краской и смущённо пробормотала:

— Мы ведь родная кровь, с чего бы мне таиться от тебя?

— Даже если бы ты вздумала отдалиться, я бы всё равно тебя не оставил, — тепло отозвался Линь Лан. — Запирать ворота на ночь — обычное правило благопристойности. А вот запрет на вход чужаков я ввёл умышленно. И оберегаю я твой покой от Баоюя.

Дайюй была глубоко тронута его опекой, но в её глазах всё ещё читалось недоумение:

— От Баоюя? Но ведь уже поздно, зачем ему приходить сюда в такой час? К тому же, если он всё-таки явится, разве прилично выставлять его за порог?

Линь Лан покачал головой, и улыбка его стала холоднее:

— Порядочный человек не пришёл бы, но Баоюй, узнав, что ты больше не ночуешь под одной крышей с ним, непременно захочет выяснить отношения. На девичью половину мужчинам вход заказан, и потакать его капризам я не намерен. Ступай к себе, сестрица, и спи спокойно. Обо всём остальном позабочусь я.

Благодарно улыбнувшись, Дайюй поклонилась и вышла.

Как только за Дайюй закрылась дверь, в покои Линь Лана скользнула Хэцзя.

— Молодой господин, — вполголоса доложила она. — Только что приходил молодой господин Бао. Я сослалась на то, что вы утомлены долгой дорогой и не принимаете гостей, а барышня уже почивает, так что встретить его по всем правилам некому.

Линь Лан, листавший у книжного шкафа какой-то свиток, отложил его в сторону и неспешно опустился в кресло.

— И что же, он так просто ушёл после твоих слов?

В эту минуту Хэхуань внесла поднос с прохладным компотом из копченой сливы. Услышав вопрос хозяина, она так и засыпала его словами, не дав Хэцзя вставить ни слова:

— Ну куда там, ушёл бы он! К счастью, за ним следом шла разумная служанка. Она-то и взмолилась: «Молодой господин, побойтесь неба, час поздний, господину Линю и барышне нужно почивать с дороги, пойдёмте лучше завтра!» Только тогда он нехотя повернул обратно.

Линь Лан покачал головой, забавленный тем, как живо девица разыграла сценку:

— Ну и язык у тебя, Хэхуань! Настоящая комедиантка. Ещё немного, и ты затмишь нашу

степенную Хэцзя.

Хэцзя притворно вздохнула:

— Да она уже сейчас затмила меня своей бойкостью, молодой господин! Отныне всю эту неблагодарную работу по выпроваживанию незваных гостей перекладывайте на неё — у неё так ловко выходит заговаривать зубы.

Хэхуань, поставив чашу на стол, весело отозвалась:

— И пойду! И сделаю! Назначьте меня заправлять этими делами, уж я-то никого лишнего на порог не пущу, комар не пролетит!

Хэцзя лишь улыбнулась в ответ:

— Вот и славно, одной заботой меньше.

— Глядите на них, — хмыкнул Линь Лан. — Я и слова молвить не успел, а они уже всё поделили между собой.

Служанки переглянулись и рассмеялись. В эту секунду порог переступила Хэжу:

— Молодой господин, те купцы, что плыли с нами, перед тем как сойти на берег, передали Линь Мо векселя на двадцать тысяч лянов. Как прикажете поступить? — она протянула пачку ценных бумаг.

Линь Лан взял векселя, пересчитал их и удовлетворённо кивнул:

— Свели концы с концами. Сколько ушло, столько и вернулось — идеальный баланс.

Заметив блеск в его глазах, Хэхуань лукаво заметила:

— Наш молодой господин, как я погляжу, не только сытно поесть любит, но и от звонкой монеты не откажется!

Линь Лан назидательно поднял палец вверх:

— Благородный муж ценит достаток, но наживает его честным путём, — отчеканил он с деланой важностью. — К тому же я просто не желаю прослыть простофилей, швыряющим золото на ветер. Свои кровные нужно беречь.

Тут в комнату вошла Хэлэ.

— Как раз вовремя, — обратился к ней Линь Лан. — Запри эти бумаги в ларец. Будем считать, что твой молодой господин заработал их собственным умом и смекалкой.

Приняв векселя, Хэлэ убрала их и с любопытством спросила:

— Когда приходил этот молодой господин Бао, я стояла неподалёку. Странно получается: разумные доводы Хэцзя он и слушать не хотел, а едва пискнула его смазливая служанка — тут же прикусил язык и поплёлся прочь. Отчего он так преданно ловит каждое её слово?

Линь Лан взял из рук Хэцзя изящный веер и неторопливо обмахнулся:

— Еще вчера вы щебетали о том, какой он кроткий и благонравный, а теперь удивляетесь? Нам предстоит прожить под этой крышей немало дней. Поверь, скоро ты насмотришься и на куда более странные вещи.

Девушки дружно рассмеялись, вспомнив недавние разговоры. Вскоре служанки принесли горячую воду, которую заранее заказала Хэхуань. Крепкие судомойки затащили тяжёлую бадью в купальню, а младшие горничные вежливо пригласили молодого господина совершить омовение перед сном.

Линь Лан никогда не позволял прислуживать себе во время мытья — даже Хэцзя, ходившая за ним с ранних лет, оставалась за дверью. Смыв дорожную пыль, он вышел к прибранной постели и вскоре погрузился в безмятежный сон.

Но если Линь Лан спал крепко и спокойно, то Дайюй не находила себе места. Вернувшись в свои покои, она долго мерила шагами комнату. Тяжёлые мысли давили на грудь, а тонкие брови были скорбно сдвинуты к переносице.

Заметив её терзания, Цзыцзюань решила, что её барышню обидел приехавший брат. Она сочувственно спросила:

— Барышня, на вас лица нет. Неужто молодой господин Линь обошёлся с вами сурово?

Дайюй не ответила. Погрузившись в глубокую задумчивость, она мысленно перебирала всё, что пережила за эти три года. С каждым мгновением слова брата казались ей всё более весомыми и справедливыми. Ею овладел стыд: неужели она, наследница древнего рода, запятнала пятикратную добродетель своих предков и обманула чаяния отца и брата?

От этих горьких дум из глаз её вновь хлынули слёзы. Цзыцзюань, окончательно утвердившись в своей догадке, поспешила утешить её, прижав к себе:

— Ну же, барышня, выплачьте обиду, не рвите сердце! Если этот пришелец смеет помыкать вами, завтра же пойдём к Старой госпоже. Расскажем всё как есть, съедем из этой мрачной усадьбы да и вернёмся под крыло к молодому господину Баоюю. Там вас никто не посмеет обидеть!

Поначалу Цзыцзюань искренне радовалась приезду Линь Лана, думая, что у её беззащитной госпожи наконец появится защитник. Однако вместе с молодым барином явилась целая свора холёных служанок, и Цзыцзюань не на шутку испугалась, что её отодвинут на задний план. Видя, как безутешно плачет Дайюй после разговора наедине с братом, она окончательно решила: барышню нужно во что бы то ни стало удержать в поместье Цзя.

Но Дайюй было не до эгоистичных страхов служанки. Одно лишь упоминание имени Баоюя отозвалось в её душе острой болью. Три года они были неразлучны, и вот теперь отец и брат в один миг перечеркнули эту близость. Ей вспомнилось, как пренебрежительно отнеслись в доме Цзя к её глубокому трауру по матери. Вторая невестка Лянь при первой же встрече явилась во всём блеске алых шелков и золотых украшений, словно и не ведая о чужой скорби.

Да и Старая госпожа, хоть и ласкала её, нисколько не считалась с её трауром — столы ломились от мяса и вина, словно в доме шёл непрекращающийся праздник. Какая же она была дурочка! Поспорив тогда с отцом, она с гордостью уехала в столицу всего с двумя служанками. И как же жестоко её за это наказали! Мало того, что в усадьбу её ввезли через западные боковые ворота, словно безродную приживалку, так ещё и помыкали ею все эти годы.

Пока Дайюй предавалась беззвучным рыданиям, Цзыцзюань, твёрдо убеждённая в виновности Линь Лана, продолжала нашептывать ей на ухо, уговаривая пожаловаться Матриарху и потребовать переезда из этой Богом забытой усадьбы.

Однако плач Дайюй и настойчивый шёпот служанки не укрылись от чутких ушей Жуи и других присланных девушек. Поняв, что барышня никак не успокоится, а Цзыцзюань ведёт какие-то подозрительные речи, они решительно переступили порог. Прежде чем вмешаться, они услышали, как хозяйская девка всю расхваливает дом Цзя и подстрекает Дайюй отвернуться от собственного брата.

Переглянувшись, четыре горничные решительно подошли к плачущей барышне.

— Барышня, какая беда стряслась? — мягко спросила Жуи, опускаясь перед ней на колени. — Не держите всё в себе, расскажите нам. Даже если мы не сможем помочь делом, то хотя бы разделим вашу печаль. Не гоже плакать в одиночестве.

— И то правда, — подхватила Жуин. — Если вы продолжите так убиваться, плач услышит Хэжу из покоев молодого господина. Стоит барину узнать об этом — он непременно разгневается на нас за то, что плохо приглядываем за сестрой.

Заметив, что Цзыцзюань собирается возразить, Жушунь поспешно вмешалась:

— Барышня, пощадите своё здоровье и пожалейте нас. Если молодой господин застанет вас в слезах, а нас — бездеятельными, нам не сносить головы.

— Поделитесь с нами вашими тревогами, — ласково добавила Жусинь. — Пусть мы всего лишь простые служанки, но за вашей спиной стоит ваш родной брат. Он никогда и никому не позволит вас обидеть.

Услышав о том, что её слёзы могут навлечь гнев брата на ни в чём не повинных девушек, Дайюй поспешно подавила рыдания, лишь изредка прерывисто вздыхая. А слова Жушунь и Жусинь окончательно вернули ей душевное равновесие.

Увидев это, служанки переглянулись: их догадка подтвердилась. Барышня плакала вовсе не из-за обиды на брата, её терзало что-то другое.

— Вы так долго плакали, лицо совсем покраснело, — мягко проговорила Жушунь. — Позвольте, я принесу тёплой воды умыться.

Дайюй едва заметно кивнула, и Жушунь бесшумно выскользнула из комнаты.

— И всё же, барышня, отчего вы так безутешно плакали? — тихо спросила Жуи.

Дайюй обвела их долгим взглядом:

— Вы ведь присланы моим братом...

Три девушки тут же опустились на колени перед постелью:

— Хоть молодой господин и выбрал нас лично, отныне наши жизни принадлежат вам, барышня. Раз уж нам выпала честь служить вам, мы знаем лишь одного хозяина — вас.

Дайюй смутилась и поспешила приподнять их:

— Полно вам, встаньте. Я ведь не в укор вам это сказала.

Девушки послушно поднялись.

Дайюй искоса взглянула на притихшую Цзыцзюань:

— Цзыцзюань, у меня пересохло в горле. Ступай принеси мне чаю.

— Скоро время ложиться, крепкий чай может прогнать сон, — бережно заметила Жуи. — У молодого господина в покоях остался отличный охлаждённый компот из копченой сливы. Быть может, барышня отведаст его?

Дайюй ненадолго задумалась:

— Раз уж у брата есть этот компот из копченой сливы... Цзыцзюань, принеси его.

Цзыцзюань прекрасно поняла, что её умышленно отсылают с глаз долой, чтобы поговорить без свидетелей. Ей ничего не оставалось, кроме как покорно поклониться и выйти. У самых дверей она столкнулась с Жушунь, которая несла таз с водой. Та даже не взглянула на соперницу, равнодушно пройдя мимо.

Жушунь помогла барышне умыться и бережно промокнула её лицо мягким полотенцем. Освежившись, Дайюй тихо спросила:

— Вы ведь приехали из Гусу... Расскажите, как там поживает наш родной дом?

— Дома всё благополучно, — ответила Жуи с мягкой улыбкой. — Только старый господин истосковался по вам, а молодой господин извёлся от беспокойства, боясь, что вас здесь обижают. Из-за этого оба ходили мрачнее тучи.

Дайюй опустила голову, терзаемая чувством вины:

— Я проводила дни в праздности и забавах, совсем забыв о тяготах отца и брата, и даже...

— Что вы, барышня, — поспешно прервала её Жусинь. — Для молодого господина и старого господина нет большего счастья, чем знать, что вы здоровы и невредимы.

— Какая бы беда ни грозила, теперь с вами ваш брат, — успокаивающе произнесла Жушунь. — Положитесь на него, он горой за вас встанет.

Мысль о том, что брат ни в чём её не винит и приехал лишь ради её спасения, принесла Дайюй долгожданное облегчение. Слушая тихий, убаюкивающий шёпот служанок, рассказывавших о родном Гусу, о цветущих сливах и прохладных речных заводах, она постепенно успокоилась.

Вскоре вернулась Цзыцзюань с чашей компота из копченой сливы. Дайюй, хоть и была раздосадована её недавней глупостью и попытками настроить против брата, не могла забыть преданности и заботы, которыми служанка окружала её все эти годы. Сердце девушки вновь смягчилось.

Заметив эту перемену в лице хозяйки, четыре новые горничные переглянулись, но спорить не стали. Они понимали, что за один вечер старые привязанности не разрушить. К тому же молодой господин твёрдо решил оградить сестру от влияния дома Цзя, а значит, этой девке здесь не место — её уход был лишь вопросом времени.

Сделав несколько глотков прохладного кисло-сладкого напитка, Дайюй почувствовала, как уходит усталость. Она посидела ещё немного, глядя на мерцающее пламя свечи, а затем жестом велела служанкам готовить постель ко сну.

<http://bllate.org/book/18219/1751876>